

Земная граffitiка

КНИГА • АДВЕНТ

От ненависти
до любви

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
3-62

Дизайн обложки Елены Лазаревой

Иствуд К., Стенберг Л., Джонсон Э.
3-626 Зимняя романтика. Книга-адвент от ненависти до любви /
Кира Иствуд, Леа Стенберг, Эмма Рид Джонсон и др. — Москва:
Издательство АСТ, 2025. — 448 с. — (Зимняя романтика).

SBN 978-5-17-179250-3

31 рассказ на каждый день декабря!
Отправляйтесь в зимнее путешествие с любимым тропом:
от ненависти до любви и дружбы!

Не забудьте кружку какао и теплый плед, чтобы сполна насладиться историями героев, в чьих сердцах случается настояще новогоднее чудо. Надоедливые мальчишки и холодные красавцы окажутся трепетными и нежными. Заклятый враг станет настоящим другом. А магические чары спасут не один праздник, на котором главным подарком станет ЛЮБОВЬ.

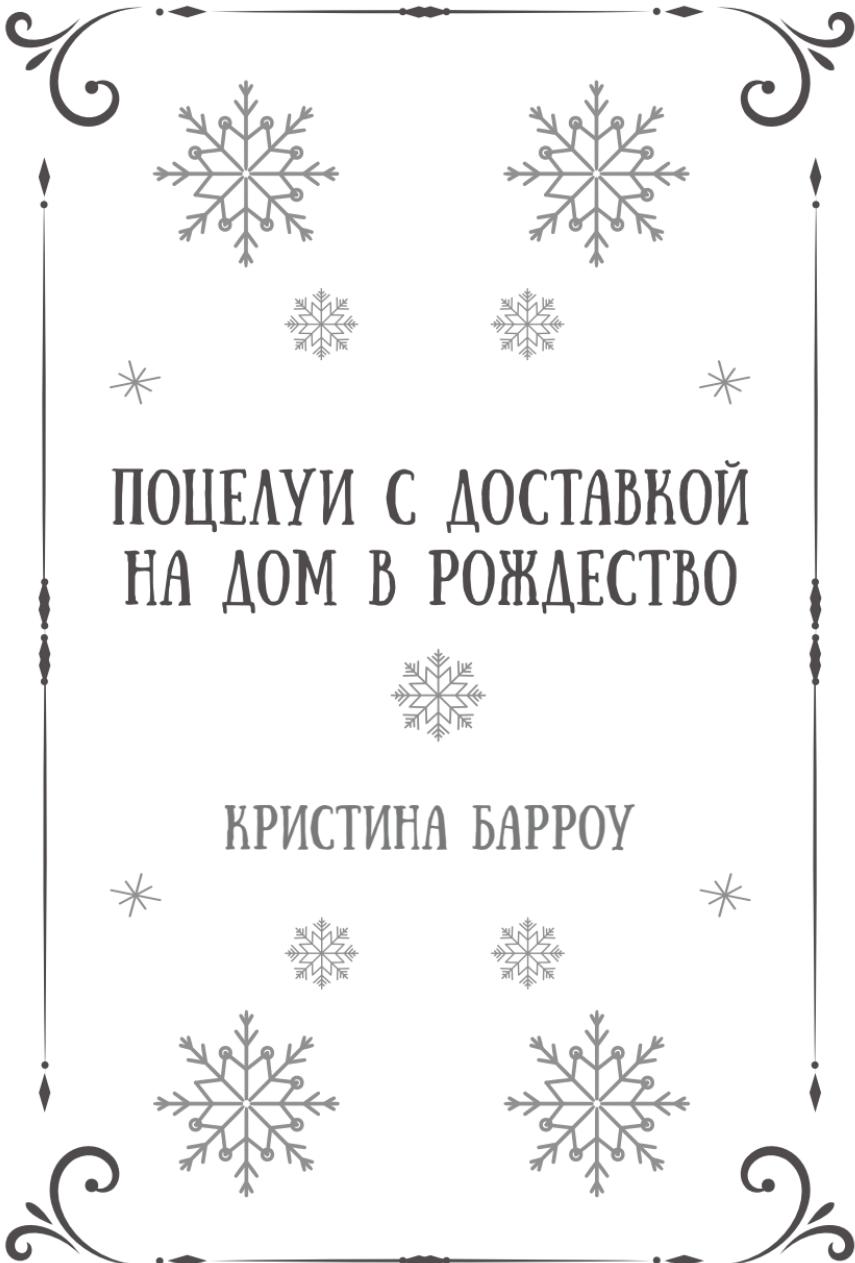
УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

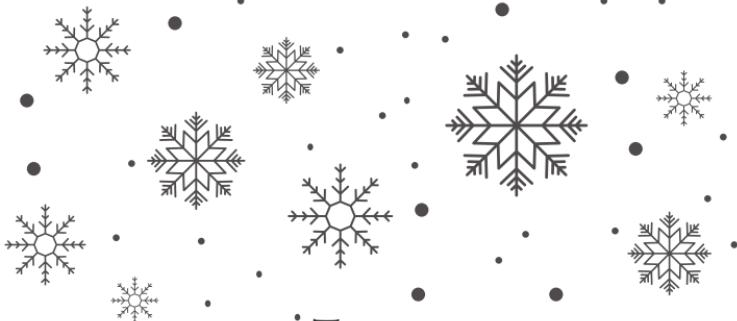
ISBN 978-5-17-179250-3

© Зимняя романтика. Книга-адвент
от ненависти до любви, 2025
В оформлении макета использованы
материалы по лицензиям © shutterstock.com
© Елена Лазарева, иллюстрации на обложку
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ПОЦЕЛУИ С ДОСТАВКОЙ
НА ДОМ В РОЖДЕСТВО

КРИСТИНА БАРРОУ

Талия

Какется, кто-то забыл своего оленя.
«Один дома 2: Затерянный в Нью-Йорке»

Тихая заснеженная улочка, на которой я живу, выглядит как волшебная открытка. Поздний вечер окутывает все вокруг, и теплое, уютное сияние мерцающих гирлянд льется из каждого окна на нашей улице. Эти огни танцуют в такт тихим, веселым мелодиям, доносящимся из соседних украшенных венками домов. Снежинки, похожие на невесомые перья, медленно кружатся в морозном воздухе, серебряной пылью оседая на еловых ветвях и запорошенных крышах, добавляя нотку настоящего рождественского волшебства в и без того праздничную атмосферу. На первый взгляд, этот застывший кадр вполне мог бы стать вступительной сценой красивого рождественского фильма.

Но стоит нажать кнопку play, и вся эта романтическая идиллия мгновенно превращается в хаос, достойный захватывающего блокбастера.

Я уклоняюсь в стиле Нео¹, когда ледяной снаряд пролетает в дюйме от моего лица. Каким-то чудом мне

¹ Нео — персонаж серии фильмов «Матрица». Во всех фильмах его играет Киану Ривз.

удается избежать еще одного прямого попадания этой проклятой «снежной ракеты».

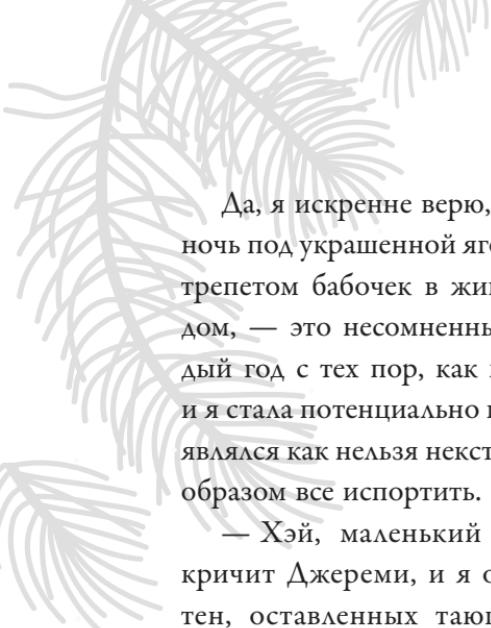
Выпрямляясь, я бросаю испепеляющий взгляд на своего соседа-идиота, который, словно злобный эльф, стоит за своим заборчиком с самой дурацкой ухмылкой.

— Клянусь всеми рождественскими колокольчиками, Джереми Миллер, я убью тебя! — рявкаю я, тяжело дыша и пытаясь восстановить дыхание.

Джереми слишком выделяется на этом фоне. И кажется, он поглощает весь теплый свет в радиусе трех миль, словно какой-нибудь антигерой из мрачного фильма о супергероях, только его злодейство направлено исключительно на меня.

— Неужели ты только что выругалась? — воркует он, театрально прикладывая явно заледеневшую ладонь к уху. — Повтори это еще раз! — Подчеркивая свой идиотизм, он запускает еще один снежок, угодив мне прямо в живот, заставив ахнуть.

На самом деле это совсем не больно, но я ненавижу этого парня всеми фибрами своей души. Джереми был для меня настоящей колючей сосулькой в самом неудобном месте. Он никогда не упускает ни единой возможности помучить меня. Именно из-за него у меня никогда не было настоящего парня, первой влюбленности, ничего из того волшебства, которое должна испытывать девушка моего возраста, из-за его идиотских слухов, которые он постоянно распространял: о том, что мой предполагаемый заветный поцелуй с парнем моей мечты под омелой ни за что не должен случиться, и вообще это глупо. *Не мои слова, а Джереми.*

Да, я искренне верю, что поцелуй в рождественскую ночь под украшенной ягодами омелой, сопровождаемый трепетом бабочек в животе или электрическим разрядом, — это несомненный знак самой судьбы. Но каждый год с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать и я стала потенциально готова к поцелуям, Джереми появлялся как нельзя некстати, чтобы самым бессовестным образом все испортить.

— Хэй, маленький помощник Санты, — снова кричит Джереми, и я отрываю взгляд от мокрых пятен, оставленных тающим снегом на моем пальто, подавляю разочарованный вздох и бросаю на него сердитый взгляд. Этот дурак открыто ликует, видя мое жалкое состояние: — Похоже, твое свидание изменяется, да? Кажется, я немного подпортил твой наряд.

Верно, он опять все испортил, а я как раз направлялась на встречу со Скоттом, самым милым парнем из нашего класса, который является полной противоположностью этому отвергнутому оленю, которого, вероятно, выгнали из саней Санты за особенно плохое поведение.

До Рождества осталась всего неделя, и я хочу, чтобы хотя бы одно Рождество прошло именно так, как я себе представляю. Мне действительно нравится Скотт. Он добрый, хороший и... совершенно точно *не* Джереми.

— Возвращайся в ту темную дыру, из которой ты выполз, *Гринч*, и постараися хотя бы сегодня не испортить настроение всем остальным нормальным людям!

В темных глазах Джереми мелькает нового вида раздражение, которого я раньше за ним не замечала, но я тут же отбрасываю эту странную мысль и иду к своей машине. Я чувствую, как его тяжелый взгляд прожигает дыру у меня на затылке, вызывая какие-то нелепые мурashки, бегущие по спине, которые я категорически отказываюсь признавать чем-то, кроме обычного зимнего озноба.

Когда я мечтала об электрических разрядах и порхающих бабочках, это было совсем не то, что я имела в виду.

— Ты не можешь пойти на свидание в таком виде! — кричит мне вслед клоун, запуская еще один снежок. Ледяной снаряд пролетает мимо моего плеча и с глухим стуком ударяется о шину моей уже работающей машины.

Я открываю водительскую дверцу натягивая на лицо свою самую обаятельную улыбку.

— Спасибо за бесценный совет по моде, психопат в черном, но я хочу как можно лучше отпраздновать это Рождество, и твоя компания определенно не входит ни в один из пунктов моего праздничного списка желаний.

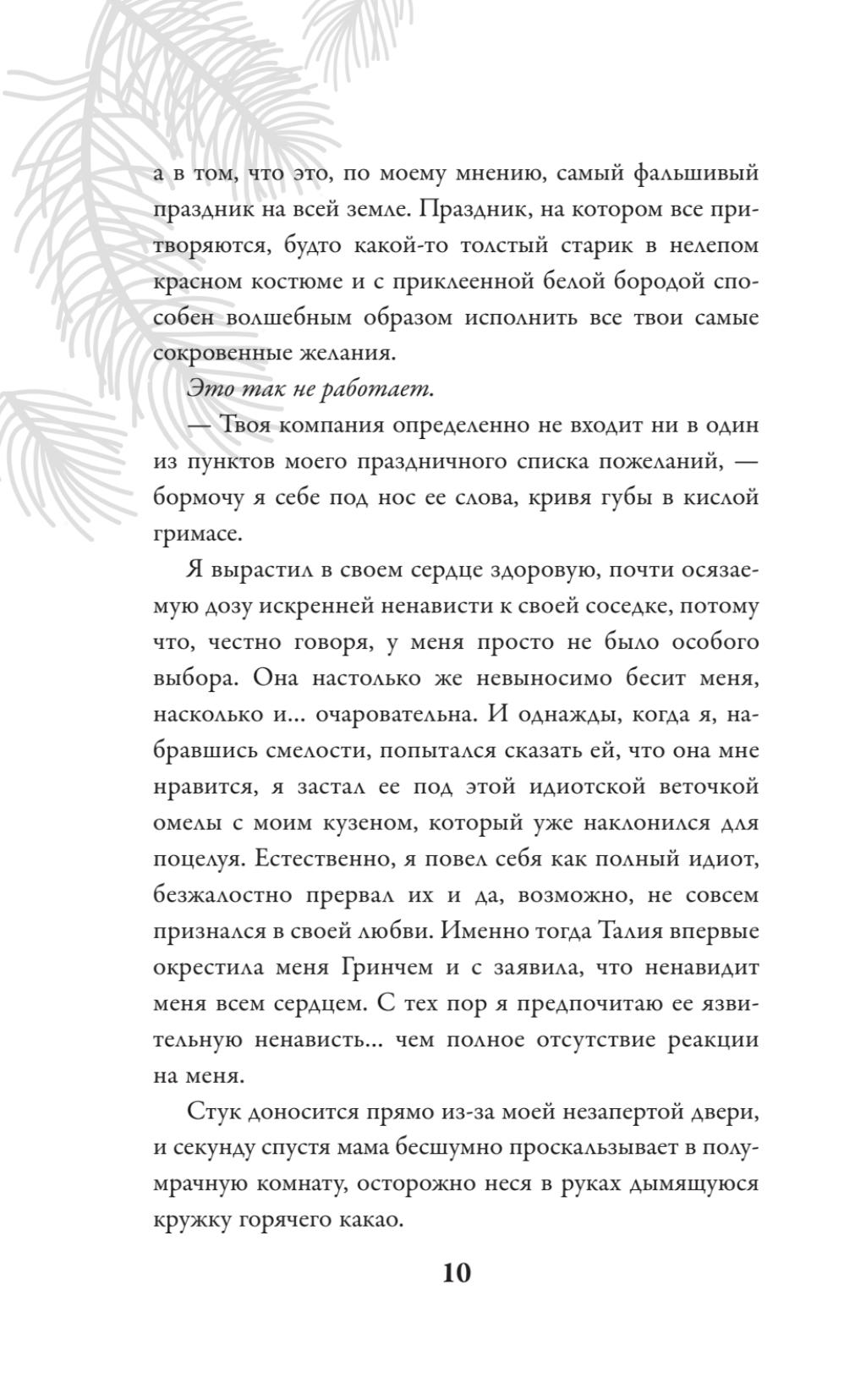
Джереми

Иногда самые настоящие чудеса прячутся за самыми обычными дверями.

«Полярный экспресс»

Терпеть не могу это чертова Рождество.

И дело вовсе не в том, что мама не старалась изо всех сил превратить наш дом в какую-то зимнюю сказку,

а в том, что это, по моему мнению, самый фальшивый праздник на всей земле. Праздник, на котором все притворяются, будто какой-то толстый стариk в нелепом красном костюме и с приклеенной белой бородой способен волшебным образом исполнить все твои самые сокровенные желания.

Это так не работает.

— Твоя компания определенно не входит ни в один из пунктов моего праздничного списка пожеланий, — бормочу я себе под нос ее слова, кривя губы в кислой гримасе.

Я вырастил в своем сердце здоровую, почти осязаемую дозу искренней ненависти к своей соседке, потому что, честно говоря, у меня просто не было особого выбора. Она настолько же невыносимо бесит меня, насколько и... очаровательна. И однажды, когда я, набравшись смелости, попытался сказать ей, что она мне нравится, я застал ее под этой идиотской веточкой омелы с моим кузеном, который уже наклонился для поцелуя. Естественно, я повел себя как полный идиот, безжалостно прервал их и да, возможно, не совсем признался в своей любви. Именно тогда Талия впервые окрестила меня Гринчем и с заявила, что ненавидит меня всем сердцем. С тех пор я предпочитаю ее язвительную ненависть... чем полное отсутствие реакции на меня.

Стук доносится прямо из-за моей незапертой двери, и секунду спустя мама бесшумно проскальзывает в полутораочную комнату, осторожно неся в руках дымящуюся кружку горячего какао.

— Ты не спишь? — тихо спрашивает она, ее дурацкий фартук с аппликацией миссис Клаус сегодня выглядит неуместно в этой полуутме.

Я лишь неопределенно хмыкаю в ответ.

— Нет, мам. Трудно заснуть, когда папа внизу распевает эту заезженную до дыр «Тихую ночь»¹, фальшивя на каждой второй ноте.

Мама слабо улыбается, и в ее глазах, несмотря на мое ворчание, все равно пляшут веселые искорки.

— Что тебя так зацепило? — воркует она ласково, и я машинально хмурюсь еще сильнее. — Может ли это быть как-то связано с тем, что Скотт Райдер уже дважды подвез нашу Талию прямо до дома?

Ага. Еще как связано.

— Нет, — бурчу я, не глядя на нее.

— Джереми, когда ты наконец соберешься с духом и расскажешь ей все?

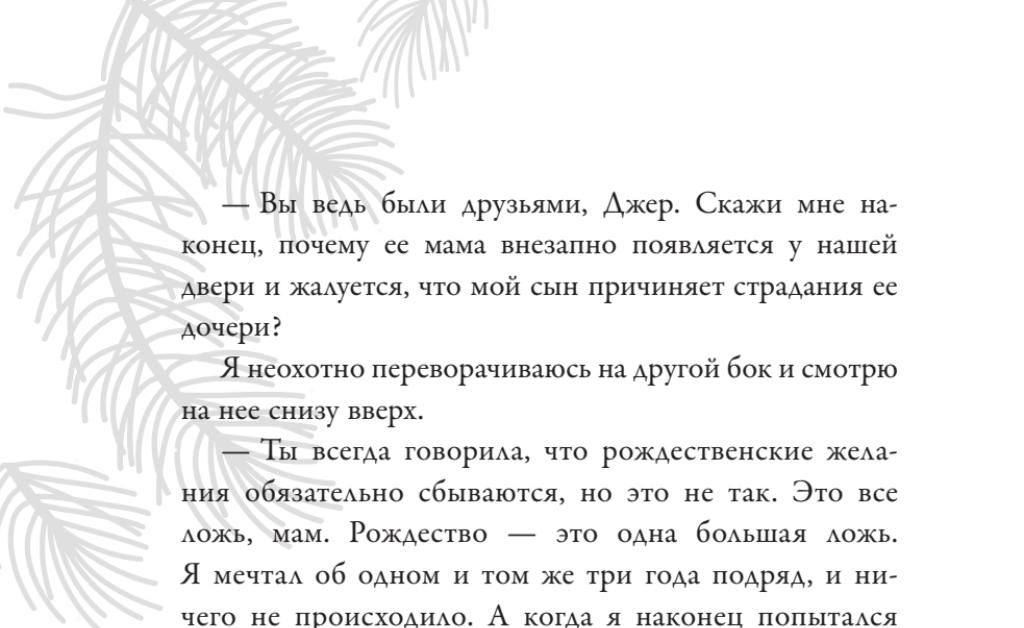
— Тут нечего рассказывать. — Я демонстративно поворачиваюсь к ней спиной, как самый драматичный подросток на этой земле. К черту все. — Она меня ужасно раздражает, и Талия прекрасно это знает.

Сквозь плотно задернутые шторы я отчетливо слышу характерный рокот старого пикапа Скотта, и мне требуется вся моя сила воли, чтобы не вскочить с кровати, не распахнуть окно и не посмотреть, не распускает ли этот самодовольный индюк свои тощие руки вокруг моей Талии.

Стоп.

Не моей.

¹ «Тихая ночь» — рождественский гимн.

— Вы ведь были друзьями, Джер. Скажи мне наконец, почему ее мама внезапно появляется у нашей двери и жалуется, что мой сын причиняет страдания ее дочери?

Я неохотно переворачиваюсь на другой бок и смотрю на нее снизу вверх.

— Ты всегда говорила, что рождественские желания обязательно сбываются, но это не так. Это все ложь, мам. Рождество — это одна большая ложь. Я мечтал об одном и том же три года подряд, и ничего не происходило. А когда я наконец попытался хоть что-то предпринять, я случайно нашел записи в ее личном дневнике, где мое желание определенно не совпадало с ее.

— О, милый, — тихо говорит мама. — Это не так работает. Ты просто преждевременно отказался от своего желания, Джереми, — мягко, но настойчиво произносит она, и я снова хмурюсь, пытаясь понять смысл слов. — Рождество — это не только гора безделушек под елкой, блестящая мишуря и скрипучий снег за окном, это еще и... волшебство, романтика тоже. Рождество — это всего лишь прекрасный повод показать свои истинные чувства.

— Она ненавидит меня...

— Это потому, что ты сам позволил ей. Тебе было больно и обидно из-за того, чего ты тогда не совсем понял, и единственный, как тебе казалось, верный способ уберечь свое сердце — это не дать ей двигаться дальше. — Мама встает, взъерошивая мои волосы. — Ты должен наконец рассказать все и позволить ей самой решить, хочет она продолжать тебя

ненавидеть или... нет. Используй это Рождество как свой шанс, перестань убегать от своих чувств. Не обвиняй такой прекрасный праздник в том, чего ты сам не смог сделать.

Талия

Я просто... я хотел убедиться, что ты не пропустишь свою возможность поцеловаться под омелой.
«Привет семье!»

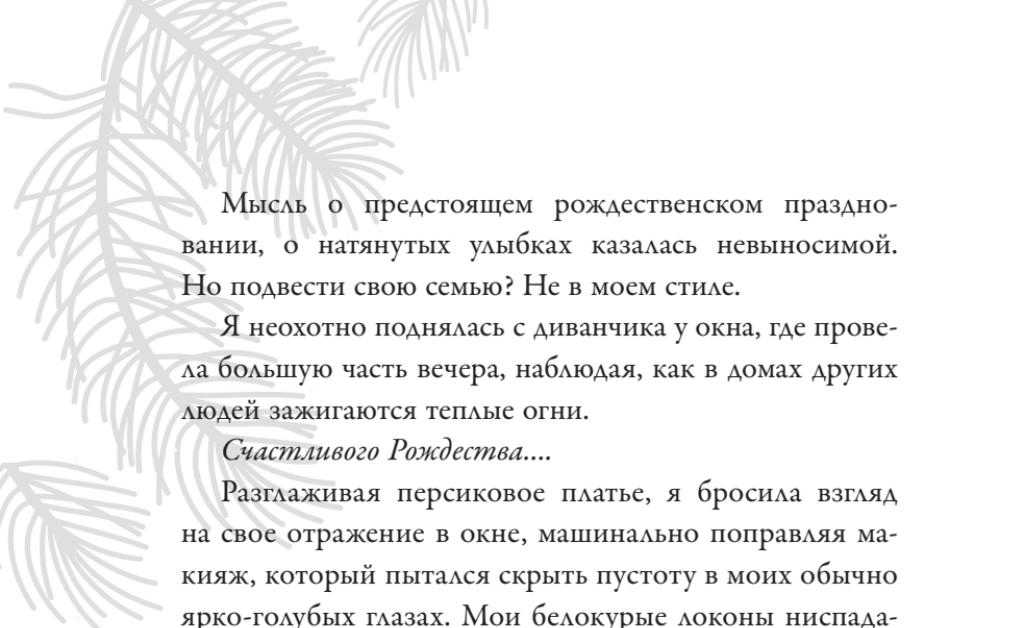
Брошена накануне Рождества.

«Я не думаю, что у нас что-то получится, Талия, дело не в тебе», — именно такое сообщение прислал мне этим утром Скотт.

Только клинический идиот способен на такое. И по какой причине? Понятия не имею. Часть меня инстинктивно хотела обвинить Джереми, но не в этот раз. Как ни странно, он исчез из моего поля зрения. Его отсутствие было почти... подозрительным.

Я ожидала, что он будет поджидать меня у дома, вооруженный коллекцией издевательских реплик о моих парнях. Втайне я даже предвкушала знакомый электрический разряд, который, казалось, всегда вспыхивал между нами во время ссор. По правде говоря, крошка, бунтарская часть меня, возможно, даже ходила на эти свидания в надежде случайно столкнуться с Джереми. У него была сверхъестественная способность появляться из ниоткуда, зажигая во мне что-то необъяснимое, чего не мог пробудить никто другой.

— Талия! — прогремел голос отца из кухни. — Спускайся, мы собираемся садиться за стол!

Мысль о предстоящем рождественском праздновании, о натянутых улыбках казалась невыносимой. Но подвести свою семью? Не в моем стиле.

Я неохотно поднялась с диванчика у окна, где провела большую часть вечера, наблюдая, как в домах других людей зажигаются теплые огни.

Счастливого Рождества....

Разглаживая персиковое платье, я бросила взгляд на свое отражение в окне, машинально поправляя ма-кияж, который пытался скрыть пустоту в моих обычно ярко-голубых глазах. Мои белокурые локоны ниспадали мягким каскадом на спину. Я выглядела потрясающе для человека, который обречен провести Рождество в одиночестве.

Семья уже собралась за празднично накрытым столом, украшенным мерцающими свечами и блестящими безделушками. По телевизору тихонько шел фильм «Реальная любовь». Мы наполнили наши тарелки аппетитными блюдами. Я изо всех сил старалась поддерживать непринужденную беседу. Те же самые традиции, те же самые забавные истории от папы. Это был вечер, которым я всегда дорожила, но в этом году он казался мне испорченным. Ирония судьбы не ускользнула от меня: мое идеальное Рождество украл не злобный Гринч по соседству, а обычный придурок по имени Скотт.

Часы над белой каминной полкой показали, что до полуночи оставалось всего пять минут. Я аккуратно поднялась из-за стола.

— Просто выйду подышать свежим воздухом, — небрежно объявила я, и все рассеянно кивнули. Наки-

нув теплую парку, я вышла на морозный ночной воздух и остановилась прямо под пушистой веточкой омелы, свисающей с крыльца. Я недолго смотрела на нее, затем медленно закрыла глаза и беззвучно прошептала свое очередное желание.

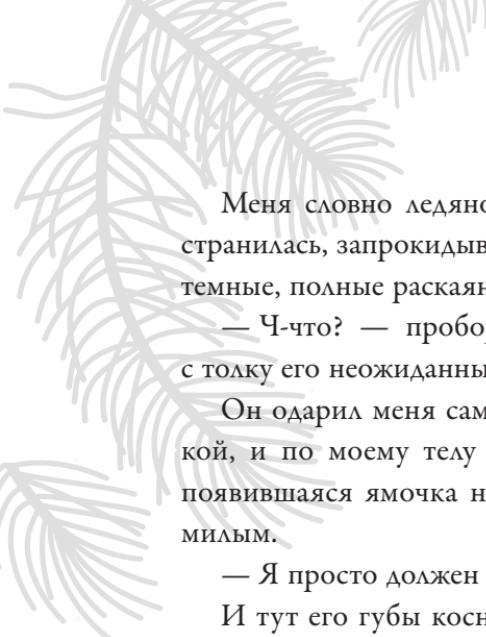
*Больше никаких полуночных поцелуев под омелой.
Пусть это случится позже, и пусть это будет с тем
самым человеком.*

Часы в гостиной пробили полночь, отсчитывая наступление Рождества. Когда я открыла глаза, внезапный вдох застрял у меня в горле. Высокая темная фигура ловко перепрыгивала через наш белоснежный забор. Джереми мельком взглянул на часы на своем запястье, с его губ сорвалось неразборчивое ругательство, когда он ускорил шаг, и его взгляд неожиданно встретился с моим.

Я забыла, как дышать.

Это была не враждебность. В его глазах плескалось что-то более мягкое, чего я не видела в нем с того далекого Рождества, три года назад. Он стремительно сократил расстояние между нами, его большие, теплые ладони бережно обхватили мое лицо.

— Прости, мой маленький помощник Санты, я опоздал, — прошептал он хрипло, и я застыла на месте, пытаясь разобраться в бешеном ритме своего сердца. — Прости за то, что был таким придурком, за то, что все это время, как настоящий Гринч, портил тебе Рождество своими выходками. Я просто отчаянно хотел, чтобы хоть раз в жизни ты пожелала, чтобы эта дурацкая омела была для меня. И это... это сводило меня с ума.

Меня словно ледяной водой окатили. Я слегка отстранилась, запрокидывая голову, чтобы заглянуть в его темные, полные раскаяния глаза.

— Ч-что? — пробормотала я, совершенно сбитая с толку его неожиданным признанием.

Он одарил меня самой глупой мальчишеской улыбкой, и по моему телу разлилось тепло. Неожиданно появившаяся ямочка на щеке сделала его невероятно милым.

— Я просто должен был *это* сделать для тебя.

И тут его губы коснулись моих, посыпая по моему телу разряд чистого электричества, от кончиков пальцев на ногах до самых корней волос. Я невольно вздохнула в ответ на этот нежный поцелуй, и язык Дженни скользнул в мой рот, его пальцы запутались в моих волосах. Инстинктивно мои руки легли ему на плечи, но не для того, чтобы оттолкнуть его, а чтобы углубить этот поцелуй, и внезапное, ошеломляющее осознание захлестнуло меня с головой. Это было... *волшебно*. Я цеплялась с самым несносным, самым раздражающим парнем из всех, кого знала, и вся та враждебность, которую я всегда испытывала во время наших словесных перепалок, встала на свое истинное место. Это была вовсе не ненависть. Это необъяснимое, почти магнетическое влечение, которое, казалось, мог вызвать только Дженни.

В моей груди звучала целая симфония, которая с легкостью затмевала любую оперную арию, любое па-де-де из «Щелкунчика». Бабочки, пчелы, весь чертова рой насекомых устроил бурную вечеринку у меня в животе.

Это был тот самый долгожданный поцелуй под омелой.

Джереми медленно отстранился, его губы слегка припухли, и я почувствовала, как предательский румянец заливает мою шею.

— Я цел, — прошептал он с явной ноткой нервозности в голосе.

Я молча кивнула, все еще не в силах произнести ни слова.

— Значит ли это, что ты не собираешься орать на меня, как бани, о том, как сильно ты меня ненавидишь?

Он в очередной раз нарушил мое спокойствие... самым восхитительным образом из всех возможных. Я нежно провела большими пальцами по розовому румянцу на его замерзших щеках, и Джереми невольно затаил дыхание.

— Я ненавижу тебя, Джереми Миллер, — прошептала я, и на моих губах заиграла озорная улыбка. — Я ненавижу, что *ты* так долго *не сбывался*.

На этот раз настала его очередь замереть, удивленно распахнув глаза.

— Ты спас мое Рождество, Гринч, — прошептала я ему в самые губы. — И я понятия не имею, почему именно сейчас.

— Я просто был слишком глуп, чтобы вести себя как нормальный человек и признаться в своих чувствах раньше, извини меня, Талия.

— Значит, ты загадал на Рождество немного мозгов? — передразнила я его, лукаво улыбаясь.

Джереми отстранился, играво прищурившись.